

Ю. А. Бортникова

**ИСЛАМО-УГОРСКИЙ СИНКРЕТИЗМ
В ОФОРМЛЕНИИ «ГРАМОТЫ ХРАНИТЕЛЯ
ЮРУМСКОЙ АСТАНА»**

В статье анализируется орнамент сибирских татар, расположенный в верхней части манускрипта, введенного Р. Х. Рахимовым в научный оборот в 2005 г. под названием «Грамота хранителя Юрумской Астана». Цель статьи – изучить орнамент как культурный феномен, объединяющий исламские и ханты-мансийские культурные компоненты, в сравнении с образцами классического обско-угорского и исламского искусства, что приводит к заключению, что по строению и цветовой гамме он больше тяготеет к хантыйской культуре, чем к исламской, и отражает не бытовые представления, а шаманско-религиозные. Однако, поскольку этот орнамент украшает арабский манускрипт сакрального содержания, заверенный классической мусульманской «Печатью Пророка», то подтверждается культурно-историческая связь сибирских татар с обскими уграми.

Ключевые слова: «Грамота хранителя Юрумской астана», манускрипт, искусство, синкретизм, ислам, шаманизм, сачара.

Наличие в Западной Сибири своего, «особого», варианта ислама уже не является открытием для большинства исследователей, в чем согласны российские и зарубежные авторы: А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, А. П. Ярков, Т. Заркон, И. Нейман, Р. Шьевер, Н. Страленберг, А. Франк и др. [12, 19, 20, 21, 22, 23, 24]. Для региона были характерны также «особое» православие, католицизм и иудаизм [8. С. 39]. Связь ислама с шаманизмом обских угров, а также наличие общих фольклорных традиций и образа жизни у мусульманского и аборигенного населения региона – это не единственные точки соприкосновения культур. Общие черты прослеживаются и в изобразительном искусстве, примером чего является орнамент на *сачара* – документе с названием «Грамота хранителя Юрумской Астана».

Манускрипт был найден Р. Х. Рахимовым в 2004 г. на юге Тюменской обл. (в месте компактного проживания сибирских татар) и введен в научный оборот в 2005 г. [11. С. 178–191]. Это рукописный свиток, представляющий собой документ, заверенный эпиграфической «Печатью Аллаха» и предназначенный для хранителя мавзолея (астаны) одного из суфийских шейхов-миссионеров XIV в.

(хотя некоторыми учеными датировка сдвигается на более ранний или, наоборот, более поздний период). За 10 лет сачара была всесторонне исследована, но ее содержание до сих пор остается предметом научных дискуссий. Не был обойден вниманием и орнамент, который нами уже рассматривался как источник по истории ислама в Западной Сибири [18]. Однако остался вопрос о степени соотношения обско-угорских и исламских компонентов в его содержании, стилистике и цветовой гамме.

«Грамота...» состоит из трех частей, одна из которых (док. № 1 по классификации Р. Х. Рахимова) имеет следующее орнаментальное оформление: «На верхнем торце свитка приклеена полоска полотна, которое окрашено в бордовый цвет; на полоске рисунок в виде кругов коричневого цвета и крестиков желтого цвета, расположенных в шахматном порядке» [11. С. 180]. Таким образом, в орнаменте использованы два основных элемента: круг и крест, являющиеся древними солярными знаками. Круг символизирует Вселенную, вечность, а также движение планет, заключающееся в смене четырех времен года. Крест – повторяющийся во многих культурах символ огня, тепла, солнца, добра, блага [1. С. 660, 697].

Чередование элементов орнамента в шахматном порядке не чуждо мусульманскому искусству: оно встречается в классическом исламском орнаменте *гирих*. Этот прием был использован даже в кирпичной кладке одной из мечетей с. Ембаево Тюменской обл. Говоря о символике орнамента «Грамоты...», отметим, что в суфийской религиозной культуре присутствовало изображение креста, однако все четыре его конца заканчивались витиеватыми символами [2. С. 72]. На «Грамоте хранителя Юрумской Астана» кресты обычные, что связано с древними солярными символами.

В сочетании круга и креста на орнаменте «Грамоты...» проявляются не столько исламские мотивы, сколько ментальность и традиционная орнаментация обских угров. Для классического исламского искусства такое сочетание слишком простое, в частности, *гирих* представляет собой причудливое, сложное переплетение треугольников, звезд и прочих элементов и внешне похож на выверенную математически, сложную узорчатую сетку. В культуре же обских угров круги и кресты (особенно кресты) были широко распространены наряду с зооморфными изображениями. У хантов, например, кресты часто расположены в косом положении, до сих пор являясь основой орнамента [4. С. 94]. Круг как символ огня вообще характерен для архаичных традиций, в том числе и обских угров [4. С. 112].

В то же время сочетание круга и креста встречается в религиозной символике татар, проживающих в Сибири. Например, в фондах Тюменского областного краеведческого музея хранится экспонат нач. XX в. – ткань размером 50 см на 5 м, красного цвета, на которой вышиты изображения полумесяца и звезд, а также крестов, заключенных в окружность [16, Инв. № КП ОФ 9392/5]. На такой ткани в 1920-е гг. арабской графикой вышивались (или рисовались) революционные лозунги, но этот экземпляр не содержит надписей и, судя по всему, имеет религиозное предназначение.

Цветовая гамма орнамента «Грамоты хранителя Юрумской Астана» тоже не характерна для ислама. У мусульман наиболее чтимы зеленый (цвет растительности), белый (выражение чистоты и духовности), золотой (символизирующий

славу, успех, богатство, торжество и т. д.), синий и фиолетовый как цвета мистического созерцания, приобщения к божественной сущности, а также черный – цвет Священного камня храма Каабы [3. С. 72].

Красный (бордовый) цвет для мусульман по содержанию не столь значим, как в других культурах. Он считался священным, магическим, имеющим «жизненную силу», но не более того [5. С. 185]. В культуре же обских угров он был главным. Его доминирующая роль в костюме хантов и манси отмечалась исследователями еще в XVIII в., как ассоциирующийся с кровью – жизненной силой, жизненным началом [9. С. 71]. Более того, у обских угров до настоящего времени сохранилась традиция обшивать одежду по контуру полоской красной ткани (как в свитке «Грамоты хранителя Юрумской Астана»). Такой прием украшения одежды известен почти у всех хантов восточной группы, например, реки Аган [10. С. 165].

Насыщенный желтый цвет тоже не совсем характерен для ислама. Приоритет отдается золотому, светло-желтому: так как в культуре ислама желтый – это цвет священной коровы, первой жертвы людей Аллаху [6. С. 180]. Темный или грязный оттенок желтого в некоторых трактовках ислама имеет даже негативные значения, в частности символа желудочных заболеваний [5. С. 105]. В культуре же манси обращает на себя внимание достаточно устойчивое сочетание красного, синего (или зеленого) и желтого цветов, особенно в одежде из оленьих шкур, и особо значимым традиционно оставался золотой [17, С. 141]. Возможно, желтый цвет на «Грамоте...» должен был заменить именно его, учитывая философию аскетизма и бедности суфийских шейхов-проповедников. Но в целом в магических орнаментах сибирских татар-мусульман использовалась не желтая, а золотая нить, что подтверждается многочисленными женскими головными уборами – сарауцами, хранящимися в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника [14. С. 114].

Еще один цвет в орнаменте «Грамоты...» – коричневый – вообще отрицается исламом: он «замутнен», «нечист», «грязен» и, соответственно, теряет для мусульманина всякую привлекательность. Это цвет разложения, несчастья и нищеты, что основывается на одной из сур Корана, в которой упоминается «коричневый сор» [13. С. 322]. Однако в орнаментах он используется. Н. В. Серов отмечает, что на его вопрос: «Зачем же на таком красивом фоне мечетей и медресе делаются вкрапления коричневого?» – мусульмане отвечали: «Для того, чтобы глаз врага нашей веры отвлекся на них и не мог сглазить божественную красоту остального» [13. С. 322]. С учетом сакрального предназначения «Грамоты...» коричневый цвет на ней мог нести именно этот смысл. Что касается обских угров, то они использовали коричневый цвет повседневно. Он не был традиционен для орнаментов, но считался практичным. Например, кондинские манси окрашивали кожу в коричневый цвет путем ее кипячения в отваре из дубовой коры. Такая краска была очень прочной и не линяла. Получить данный цвет для орнаментальных целей было очень просто в условиях художественного опыта хантов. Коричневый цвет для рисования получался смешением красного, желтого, зеленого и черного (синего) цветов [1. С. 626], – «бытовых» красок хантов и манси.

Использование желтого и коричневого цветов в оформлении «Грамоты...», применявшихся, но не традиционных для оформительской практики обских угров, свидетельствует о стремлении выделить этот документ из культуры аборигенов. Тип орнамента и цветовая гамма позволяют утверждать, что они были уже не хантыйские (мансийские), но еще не классические исламские. Однако в целом анализ орнамента на «Грамоте...», написанной в арабской графике, имеющей исламское содержание и заверенной классической для мусульманской каллиграфии «Печатью Аллаха», выводит на связь ислама в регионе с культурой и мировоззрением обских угров.

Впоследствии желто-коричневая цветовая гамма орнаментов закрепились в одежде сибирских татар. По крайней мере она была широко распространена в XIX в. В фондах Тюменского областного краеведческого музея хранится такой костюм вт. пол. XIX – нач. XX вв.: фабричного производства, стандартный, каких было много. Фон камзола бордовый, как на орнаменте «Грамоты хранителя Юрумской Астаны»; на позументе (полосе по краям одежды) расположен коричневый растительный орнамент на желтом (позолоченном) фоне [15. С. 118]. Второй костюм зафиксирован в документах как «праздничная одежда сибирских татар». Фон камзола голубой, на ткани – крупные коричневые цветы. Позумент такой же: фон желтый (золотистый); растительный орнамент коричневый, сходный с предыдущим образцом, но тон более светлый [15. С. 121]. В Ембаевском музее-заповеднике также хранится женский камзол с аналогичным золотисто-коричневым оформлением [7. Инв. № 66].

В целом анализ орнамента на «Грамоте хранителя Юрумской Астана» подтверждает связь исламского искусства Западной Сибири с культурой обских угров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства [В 10 тт.]. Т. IV. СПб.: Азбука-классика, 2006. 752 с. + ил.
2. Ислам: иллюстрированная энциклопедия / Автор-сост. М. Магомерзоев. М.: Эксмо, 2009. 640 с. + ил.
3. Кантен Л. Понять ислам: ключевые слова / Пер. с фр. СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2008. 320 с. + ил.
4. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1999. 261 с.
5. Миронова Л. Н. Цветоведение. Минск: Высшая школа, 1984. 286 с.
6. Миронова Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии / Отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. М.: Наука, 1993. С. 172–188.
7. Музей-заповедник татарской истории и культуры с. Ембаево Тюменской области (МЗТИиК с. Ембаево).
8. Науменко О. Н., Науменко Е. А. История формирования пространственно-архитектурной организации еврейской общины г. Тюмени // Вестник Кемеровск. гос. ун-та. 2014. № 4–3 (60). С. 39–42.
9. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск: Новосибиз, 1941. 130 с.
10. Перевалова Е. В. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.

11. Рахимов Р. Х. Грамота хранителя Юрумской астаны (новый источник об исламизации Сибири. Земля Тюменская: ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2004. Вып. 18. Тюмень, 2005. С. 178–191.
12. Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
13. Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2003. 322 с.
14. Суслова С. В. Западносибирские «сарауцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары. Казань: Ин-т ист. АН РТ, 2002. С. 112–119.
15. Творчество народов Тюменской области: из собрания Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова. М.: Советский спорт, 1999. 255 с.
16. Тюменский областной краеведческий музей (ТОКМ).
17. Шутова Н. И. Предания о Золотой Бабе и удмурдские параллели // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. № 2. С. 141–150.
18. Bortnikova Ju. A. Genesis of the Muslim art culture in Western Siberia // Sibirica. 2012. Т. 11. № 2. С. 27–36.
19. Zarcone T. Les confréries soufies en Sibérie (XIXe siècle et début du XXe siècle) // En islam sibirien / ed. S. A. Dudognion. Paris, 2000. 206 p.
20. Lugat at turk. T. I. Istanbul, 1930. 122 p.
21. Neumann I. B. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. № 2 (30). P. 340–139.
22. Schiewer R. Leben unter Heiden: Leben unter Heiden Hans Schiltbergers türkische und tartarische Erfahrungen: Daphnis, 1992. 159 p.
23. Stralenberg N. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730. 422 p.
24. Frank A. J. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of the Baraba Tatars, 1740–1917 // En islam siberian. Paris, 2000. 351 p.

REFERENCE

1. Vlasov V. G. *Novyy entsiklopedicheskiy slovar' izobrazitel'nogo iskusstva* [The new encyclopedic dictionary of the fine arts] Vol. IV. Sankt-Peterburg, Azbuka-klassika Publ., 2006. 752 p. In Russian.
2. *Islam: illyustrirovannaya entsiklopediya* [Islam: the illustrated encyclopedia]. Ed. M. Magomerzoev. Moscow, EksmoPubl., 2009. 640 p. In Russian.
3. Kanten L. *Ponyat' islam: klyuchevye slova* [To understand Islam: keywords]. Sankt-Peterburg, «DILYa»Pabl., 2008. 320 p. In Russian.
4. Moldanova T. A. *Ornament khantov Kazymского Priob'ya: semantika, mifologiya, genesis* [Ornament of Khanty of Kazymsky Priobye: semantics, mythology, genesis]. Tomsk, Publishing house the Tomsk State University, 1999. 261 p. In Russian.
5. Mironova L. N. *Tsvetovedenie* [Chromatics]. Minsk, The higher school, 1984. 286 p. In Russian.
6. Mironova L. N. Semantika tsveta v evolyutsii psikhiki cheloveka [Semantics of color in evolution of mentality of the person]. *Problema tsveta v psikhologii* [The Problem of color in psychology]. Moscow, Nauka, 1993. pp. 172–188. In Russian.
7. Muzey-zapovednik tatarskoy istorii i kul'tury s. Embaevo Tyumenskoy oblasti (MZTIK s. Embaevo) [Memorial estate of the Tatar history and culture of the village of Embayevo of the Tyumen region (village of Embayevo MZTIK)]. In Russian.

8. **Naumenko O. N., Naumenko E. A.** Istoriya formirovaniya prostranstvenno-arkhitekturnoy organizatsii evreyskoy obshchiny g. Tyumeni [History of formation of the spatial and architectural organization of the Jewish community of Tyumen]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo state university], 2014, no. 4–3 (60), pp. 39–42. In Russian.
9. **Novitskiy G.** *Kratkoe opisanie o narode ostyatskom* [The short description about the people ostyatsky]. Novosibirsk, Novosibgiz, 1941. 130 p. In Russian.
10. **Perevalova E. V.** *Reka Agan i ee obitateli* [Reka Agan and her inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk, UrO RAN; Studiya «GRAFO», 2006. 352 p. In Russian.
11. **Rakhimov R. Kh.** Gramota khranitel'ya Yurumskoy astany (novyy istochnik ob islamizatsii Sibiri) [The diploma of the keeper Yurumska astany (a new source about Islamization of Siberia)]. *Zemlya Tyumenskaya: ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya: 2004* [Earth Tyumen: year-book of the Tyumen regional museum of local lore: 2004], Is. 18. Tyumen, 2005. pp. 178–191. In Russian.
12. **Seleznev A. G., Selezneva I. A.** *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: regional option of religious syncretism]. Novosibirsk, Publishing house in-that archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2004. 72 p. In Russian.
13. **Serov N. V.** *Tsvet kul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya* [Color of the culture: psychology, cultural science, physiology]. Sankt-Peterburg, Speech, 2003. 322 p. In Russian.
14. **Suslova S. V.** Zapadnosibirskie «sarautsy» kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [West Siberian “sarauyets” as historical and ethnographic source]. *Sibirskie tatarsy [Siberian Tatars]*. Kazan, AN RT, 2002, pp. 112–119. In Russian.
15. *Tvorchestvo narodov Tyumenskoy oblasti: iz sobraniya Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I. Ya. Slovtsova* [Creativity of the people of the Tyumen region: from a meeting of the Tyumen regional museum of local lore of I. Ya. Slovtsov]. Moscow, Sovetskiy sport, 1999. 255 p. In Russian.
16. *Tyumenskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey (TOKM)* [Tyumen Regional Museum of Local Lore (TRMLL)]. In Russian.
17. **Shutova N. I.** Predaniya o Zolotoy Babe i udmurtskie paralleli [Legends about the Gold Woman and the Udmurt parallels]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, Vol. 10, no. 2. pp. 141–150. In Russian.
18. **Bortnikova Ju. A.** Genesis of the Muslim art culture in Western Siberia. *Sibirica*, 2012, Vol. 11, no. 2, pp 27–36. In English.
19. **Zarcone T.** Les confréries soufies en Sibérie (XIX siècle et début du XX siècle). *En Islam Sibirien* / ed. S. A. Dudognion. Paris, 2000. pp. 206–221. in French.
20. *Lugat at turk*. Vol. I. Istanbul, 1930. 122 p. In English.
21. **Neumann I. V.** Russia as Central Europe's Constituting Other. *East European Politics and Societies*, 1993, Vol. 7, no. 2 (30), pp. 340–139. In English.
22. **Schiewer R.** *Leben unter Heiden: Leben unter Heiden Hans Schiltbergers türkische und tartarische Erfahrungen*, Daphnis, 1992. 159 p. in German.
23. **Stralenberg N.** *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*. Stokholm, 1730. 422 p. in German.
24. **Frank A. J.** Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of the Baraba Tatars, 1740–1917 // *En Islam Siberian*. Paris, 2000. Pp. 351–362. In English.

Yu. A. Bortnikova

**Muslim-Ugric Syncretism in the Ornament
of “The Diploma of the Keeper of Yurumskaya Astana”**

The article is devoted to an ornament of the Siberian Tatars which is located in the top part of the manuscript. The manuscript was found by R. H. Rakhimov, who named it “The diploma of the keeper of Yurumskaya Astana”, translated from Arab and published in 2005. The article aims to study the ornament as a cultural phenomenon which unites Islamic and Khanty-Mansi components. The author compares the ornament to models of classical Khanty-Mansi and Islamic art and concludes that its structure and color range is more typical of the Khanty culture than of the Islamic one. The ornament reflects shaman and religious beliefs of the Khanty and Mansi. However, as the ornament decorates the Arab manuscript which is of Islamic content and certified by “Seal of the Prophet” it confirms cultural and historical ties between the Siberian Tatars and the Khanty and Mansi.

Keywords: “Diploma of the Keeper of Yurumskaya Astana”, manuscript, art, syncretism, Islam, shamanism.

Бортникова Юлия Александровна,

кандидат исторических наук,

Международный институт инновационного образования

625041, Россия, г. Тюмень, переулок 1-й Гостевой, 7

e-mail: soroka-jul@rambler.ru

Bortnikova Yulia Aleksandrovna,

Candidate of Sciences (History)

International Institute of Innovative Education

7, Pervyi Gostevoy pereulok, Tyumen, 625041, Russian Federation

e-mail: soroka-jul@rambler.ru